

18+

Alex Marov

«ЖАРА»

*«В такую жару кровь
закипает быстрее...»*

Alex Marov

Жара

«Издательские решения»

Marov A.

Жара / А. Marov — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Жара» — это не просто триллер. Это прогулка
по краю. Это история о двух одиночествах, которые встретились, чтобы спасти
друг друга. Или уничтожить. Нет правильных ответов. Есть только вопросы.
И город, которому всё равно. И ты, читатель, который остаёшься один на один
с этой жарой. Книга содержит нецензурную брань.

© Marov A.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Жара Акт 1 «Ты пахнешь мной...»	7
Акт 2. Кафе. Последний вздох	23
Сцена 1	24
Сцена 2 Улыбка	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Жара

Alex Marov

Оформление обложки Leonardo.AI

Иллюстрации Leonardo AI

© Alex Marov, 2026

ISBN 978-5-0070-5370-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Кто-то смотрит в окно и ждёт рассвета.

Кто-то — считает звёзды, не зная, что они давно погасли.

Где-то раздастся выстрел. Где-то — смех.

Где-то кто-то скажет «прощай». Где-то — «привет».

Кто-то встретит свою тень. Кто-то — любовь.

Кто-то — найдёт свой выход.

Кто-то спит. Кто-то — просыпается.

Жара Акт 1 «Ты пахнешь мной...»

Сон.

Тьма.

Не та, что успокаивает. А та, что давит. Густая, липкая, как смола.

Он не видит себя. Но знает — он здесь. Где-то глубоко.

Он видит лица.

Они появляются из ниоткуда. Проплывают мимо, как в тумане. Женщина с пустыми глазами. Мужчина в костюме, с перекошенным ртом. Девочка, которая смеётся, но смех застывает.

Он хочет зажмуриться, но не может. Веки не слушаются.

Голоса. Шёпот. Сначала один, потом второй, потом сотня.

— Ты помнишь?

— Ты знаешь, кто это?

— Они ждут тебя.

Он мотает головой. Кричит. Но звука нет.

Картинка меняется.

Женская спина. Обнажённая.

Позвоночник, как дорога в никуда. Тёмные волосы разметались по подушке.

Он видит это будто со стороны. Или вспоминает?

Секунда — и спина исчезает. Вместо неё — офис. Стекло, бетон, цифры на мониторах. Зелёные и красные линии ползут, как змеи.

Он смотрит на них, но не понимает, что они значат.

— Это было твоё, — шепчет голос. — Помнишь?

Он не помнит.

Лицо женщины. Другое. Светлые волосы, глаза с болью. Она что-то говорит, но слов не слышно.

Только губы двигаются. Медленно. Как в замедленной съёмке.

— Кто она?

Он знает это. Чувствует. Но имя ускользает.

Деньги. Пачки, купюры, золотой зажим. Они плывут в воздухе, как конфетти.

— Это было твоё, — повторяет голос.

— Ты всё потерял.

Он протягивает руку, чтобы схватить, но пальцы проходят сквозь.

И снова — лица. Много. Они кружатся, как в калейдоскопе. Знакомые и чужие. Живые и мёртвые. Он не знает, кто они. Но они знают его.

— Мы ждём, — шепчут они хором.

— Мы всегда ждём.

Тьма сгущается.

Последнее, что он видит — чья-то рука. Тонкие пальцы, тёмная кожа. Она тянется к нему. Ближе. Ещё ближе.

Касается.

И он просыпается.

Голова раскалывается. Во рту сухо. Тело чужое.

Рядом кто-то дышит.

Он поворачивает голову.

Женская спина.

Обнажённая.

Тёмные волосы, белые простыни.

Та же, что во сне?

Он смотрит на неё и не знает — это продолжение или уже реальность.

Но дышит она ровно. Спокойно. У неё ничего не случилось.

Как будто не было лиц. Не было голосов. Не было той руки, что тянулась к нему из темноты.

Он закрывает глаза.

Открывает.

Она всё ещё здесь.

Значит, реальность.

Или нет...

Утро...

Сознание возвращалось медленно, тягуче, как смола. Сначала была только темнота. Потом — боль.

Где я?

Как же раскалывается голова...

Каждый удар пульса отдавался в висках, в затылке, в глазных яблоках. Будто кто-то маленький и злой бил молотком изнутри черепа.

Вески будто треснут сейчас... где я опять???

Ноющая боль сменяется пульсирующей, волнами.

Шумы... опять эти шумы... Я их слышу, как будто какой-то шепот...

Шёпот. Да. Они всегда начинают с шёпота. Сначала тихо, на грани слышимости. Потом громче. Настойчивее. Требовательнее.

Не отпускает...

Но уже где-то, где-то не здесь... а там...

Звуки полицейских сирен всю ночь мелькали в ушах, как будто вспышками. Ночной город жил своей полной жизнью. Это уже привычное состояние ночного мегаполиса в пятницу, или уже суббота.

Нарастающая тревога, как прибой, то прибывает, то отходит...

Длинная вчера была ночь — судя по состоянию.

Я попытался пошевелиться. Тело слушалось плохо, будто не моё. Чужое. Одолженное на время.

И это напряжение внизу...

После хорошей дозы алкоголя всегда горит член...

Стоит как каменный...

Просто разрывается всё внутри...

Где я...?

Тусклые воспоминания просачиваются в мозг... Обрывки как картинки...

Что-то тревожное... что не хочется вспоминать...

Тени. Крики. Красный свет. Или этого не было? Память — ненадёжный свидетель. Особенно когда в голове живут те, кто переписывает воспоминания по своему усмотрению.

Такое чувство было, наверное, у каждого человека в жизни, но мне кажется, хуже, чем у меня, не может быть ни у кого.

Надо открыть глаза... или поспать ещё?

Сон... сон — это очень хороший подарок, когда он есть.

Я помню, когда-то я спал...

Свет начинает слепить через веки...

Видимо, уже утро...

Свет...

Иногда хочется, чтобы ночь не заканчивалась никогда.
И чтобы была прохлада. Прохладная, спокойная ночь.
Да, то что надо.

Попробую хотя бы подремать...

Какие-то образы то всплывают, то уходят куда-то. А чувство тревоги не уходит. Нет спокойствия ни на минуту.

Как будто всё время за спиной кто-то есть. Кто-то следит. Кто-то ищет меня. Идёт за мной.

И никого нет вокруг одновременно... опасность и что-то ещё — они повсюду. Но где-то есть выход. Он должен быть. Этот сон преследует меня с самого детства. Выход который надо найти, он где-то близко. Для чего же он мне снится?

Или почему? Места, где я нахожусь, почти всегда разные, а ощущения — всегда одинаковые. Иногда это один и тот же дом, иногда то ли лес, то ли парк. Или вообще непонятно где.

И быстро конец.

Меня опять выкинуло из сна. Хочется пить...

Горло пересохло так, будто я неделю не пил. Язык прилипал к нёбу.

Открываю глаза. Тусклый рассвет бьёт в лицо. Зрение ещё туманно. Боль простреливает по всей голове. Где-то я вчера пил.

Я не один — с кем?

И вдруг я почувствовал... Запах. Тонкий, едва уловимый, но проникающий в самую глубину.

Приятный запах... что-то приятное...

Это поможет мне открыть глаза...

Что за аромат? Что-то нежное и одновременно возбуждающее...

И что-то восточное...

Не пойму: это духи или это женщина, или духи на женщине, смешанные с её запахом.

Открываю глаза — передо мной женская спина, обнажённая, красивые изгибы спины переходят к шикарным ягодицам.

Идеальной формы. Как два спелых персика, прижатых друг к другу. Кожа светится в утреннем полумраке.

В форме сердца. На ней только тонкие трусики тёмно-красного цвета...

Стринги, наверное.

Ягодицы их полностью съели. Видно только две тонкие нити на бёдрах...

Это её запах...

Но я ничего не помню. Совсем ничего. Боль в голове пройдёт — может начну вспоминать. Но сейчас не об этом.

Меня манит этот аромат. Ещё и эти красивые бёдра.

Надо засадить в неё.

И всё пройдёт... боль... напряжение...

И пить хочется... Попить или вставить член? Вставить. Да, он сейчас лопнет...

Какая у неё спина. Красиво выделяются рёбра и видно контур мышц на лопатках.

Попа — персик, который хочется попробовать. И ни одного изъяна на ней. С этим везёт. Мне везёт на красивых женщин.

Внизу живота уже разгорался пожар. Тот самый, который не тушат водой. Кровь прилила так быстро, что зашумело в ушах.

Вроде спит. Но надо войти в неё. Либо я умру. Либо от головной боли, либо разорвёт изнутри от возбуждения.

Алкоголь вчерашний ещё не выветрился, а новый хмель — от её запаха, от тепла, от этой близости — ударяет в голову.

Интересно, как она себя поведёт, когда я начну...?

Отдастся или будет возмущаться? Но вариантов нет, для «ухаживаний».

Надо войти в неё и быстрее. Без прелюдий. Да, так сейчас и хочется.

Я подвинул её бёдра к себе. Кожа была тёплой, бархатистой. Мои пальцы слегка дрожали — от похмелья или от предвкушения?

Прижался ещё ближе. Жадно отодвигаю трусики, быстро в предвкушении...

Стояк направляю. И сильно вхожу...

Внутри неё было влажно и горячо. Она была готова. Ждала. Может, даже хотела этого.

Она вся мокрая уже. Да...

Вошёл сразу до конца, почти, будто возвращаясь домой, в место, где всегда ждали. Она вскрикнула...

Я двигаю сильно. Как хочу. Наслаждаюсь. Она начала стонать. Значит, всё хорошо. И мокрая. Ждала. Ждала член.

Она выгибается навстречу — плавно, как волна. Жарко. Влажно. Тесно. Мир сжимается до точки соприкосновения. Её стон — короткий, приглушённый подушкой. Мой — беззвучный, выдох в её волосы. Мы двигались в такт, словно танец, который знали наизусть.

Она вздыхает во сне — или уже проснулась? — и её рука находит мой затылок. Так, чтобы из-под руки была видна её грудь.

Сильнее вхожу в неё, глубже... Прижимаюсь к спине. Лижу и целую её кожу. Нежная. Её пот у меня во рту. Очень сладкий. И от этого сильнее двигаю в неё членом.

Я чувствовал каждый миллиметр её тела. Каждую складочку. Каждое движение.

Она открыла глаза. Повернула ко мне голову, чтобы поцеловать. Вижу её лицо. Хорошенькая. Большие глаза, пышные губы... тёмные волосы... Взял грудь в руку. Сжал...

Какой запах бьёт из её кожи! Туманит голову.

Чистой красивой кожи. Как хорошо. Не могу оторваться от неё. Наслаждаюсь губами и членом. Бёдра бьются о её попу.

Внутри нарастало знакомое напряжение. Тот самый момент, когда всё тело превращается в один сплошной нерв.

Не буду долго... хочу быстро кончить. Спустить всё.

Да. Сейчас кончу — и станет легче...

Прижал её сильно. Ещё несколько толчков.

Ускоряюсь...

Сейчас кончу... Да. Ещё... Кончаю на попу. Да...

Между ягодиц. Хорошо...

Всё... Можно подышать медленно.

Сердце колотилось, закладывая уши. Пот стекал по груди вниз.

Она гладит меня по руке, не оборачиваясь. Тишина. Только дыхание, смешанное в одно.

Она произнесла — Ну ты и демон — смеясь.

Медленно обернулась, и тяжелые темные пряди качнулись, приликая к влажной шее. Взгляд — сонный, затуманенный недавним жаром, — встретился с моими глазами.

Тёмные волосы — густые, беспорядочно рассыпавшиеся по плечам — обрамляют лицо. На щеках играет нежный естественный румянец, оставшийся после страстной ночи, а на губах, чуть припухших и влажных, замерла улыбка — смесь нежности и лукавства. Её взгляд: глубокие, тёмные глаза смотрят чуть сонно, но в них всё ещё догорают искры недавнего пламени, превращая это утро в продолжение...

— Слишком горячо, — выдохнула она, и этот звук в тишине прозвучал как признание. — Даже для такого утра.

Я протянул руку, кончиками пальцев коснувшись её плеча. Кожа была горячей, бархатистой и слегка влажной, оставляя на ладони едва ощутимый след.

— Жара здесь ни при чем, — тихо ответил я, чувствуя, как внутри снова просыпается то самое томительное напряжение. — Ты ведь знаешь.

Она чуть склонила голову набок, и капелька пота медленно скатилась по её щеке к губам, нежно поцеловав мои.

— Мы всё еще друг другу никто? — прошептала она, и в её голосе послышалась улыбка. — Это опасно. Так близко, и так далеко одновременно.

— Разве ночью тебя это волновало? — я подался вперед, сокращая расстояние до минимума, так что наше дыхание смешалось.

— Ночью я получила, что хотела — она прикусила губу, глядя на мой рот. — А сейчас... сейчас я боюсь, что мы сгорим дотла, так и не узнав, зачем.

Она поцеловала меня горячими губами.

Красивое личико. Белые зубы. Глаза с блеском.

А я даже не помню, как её зовут.

Интересно, я ей говорил, своё имя...?

— Я вчера кончала всю ночь, мой красавчик. — Произнесла она с горящими глазами.

А я не помню... почти ничего. Только запах страсти на мне. Аромат красивой женщины.

И весь горю... надо сходить в душ... мокрый. Освежиться в холодной воде.

Жара... какая же жара...

— А ты сейчас наверное не кончила? Мне было так хорошо и я просто не сдержался.

— Нет. Ты просто имел меня, быстро как хотел. Но мне было приятно чувствовать, как ты сильно хочешь. Но с тебя должок.

Она нежно ударила меня кончиком пальца по носу, игриво с улыбкой.

В мозгу опять заиграли краски страстного, пылкого секса. И такой приятный голос. И этот её взгляд.

— Кушать хочешь?

У меня живот совсем пустой. Забыл, когда ел последний раз.

— Да, буду что-нибудь. Спасибо. И пить...

— Выпить нечего... я сама не пью.

Как же имя моей сегодняшней красотки...?

В голове что-то вертится.

Что-то красивое...

Но нет... Я и не хочу, чтобы они знали её имя...

И, имя не проблема.

А вот жара да.

Жара не проходит. От неё кипит мозг и совсем не даёт думать ровно...

Боль в висках начала медленно угасать.

— Жарко, да? — она посмотрела на меня слегка раскрывая ноги.

Она знает... Она читает мои мысли...

— Кондиционер не работает. Сломан. Некому починить.

Монотонно сказала. С сожалением, что она одна. И с надеждой, что это изменится.

Намекая на меня...

Но это нормально. Каждая женщина хочет быть с мужчиной.

В голову бросилась мысль... такая красивая — и без мужчины. Может показаться странно. Но... не мои проблемы. И в голове осталась настороженность — одна.

— Я в душ.

— Иди. Там серое полотенце увидишь. Шампунь найдёшь. — заботливо произнесла она.

Встаю. Чуть шатает.

— А куда идти?

— Забыл, что ли?) — с красивой, ласково сказанной усмешкой.

— Что-то да, не помню... Я найду, думаю. — ответил ей игриво.

Иду в поисках ванной. Комната — большая кухня студия с кроватью и широким занавешенным окном на улицу.

Обычная квартира.

Но как-то уютно. Темновато, несмотря на окно. Но мне нравится. Не люблю свет.

Коридор. Прямо, двери. О..., душ. Нашёл...

Справа какая-то дверь. Не важно...

Душ без ванны. В клетку. Просто, но стильно. И стеклянная дверь. Тесновато двоим будет, но сейчас всё равно.

Включу сначала тёплую воду, потом холоднее. И да... будет легче... будет...

Жара... и эта жара пройдёт... и боли в голове.

Да. Легче... ещё попить надо. Со льдом что-нибудь.

Холодные струи воды бьют по плечам, смывая соль и остатки ночного безумия, но жар внутри никуда не делся. Я упираюсь ладонями в кафель, опускаю голову, и перед глазами всё еще она.

Эта смуглая кожа... черт, на белых простынях, я буквально чувствую её прикосновения на себе. Как она выгибалась, как её темные волосы рассыпались по подушке, путаясь в моих пальцах. В ней есть что-то дикое, и в то же время такая хрупкая грация, от которой перехватывает горло.

Я даже не знаю, кто она. Мы не обменялись ни одной лишней фразой, кроме тех, что шепчут в темноте. Но этот её взгляд там, в комнате... В нем было столько вызова. Она ведь знает. Знает, что я сейчас стою здесь, под водой, и пытаюсь прийти в себя, а в мыслях только одно — вернуться обратно.

Там, за дверью душа, жара плавит город, в комнате стоит духота и её аромат, а она лежит на кровати, влажная от пота и страсти, и просто ждет.

Вода стекает по лицу, по шее, по груди, по спине. Смывала пот. Смывала запах. Смывала ночь. Но не смывала вопросы, я всё равно слышу её прерывистое дыхание. Может, это утро затянется...

Она зашла...

Села на унитаз. Просто подняла футболку, которую одела на себя.

Слышу, как приятно журчит. Как в фонтанчике)

Писает) Без комплексов совсем. И смотрит на меня своими чуть раскосыми глазами. Хороша, девочка.

— Как водичка?) — спрашивает.

— Облегчает. Охладился.

— Да?) — опять игриво. Ты хорошо выпустил пар в меня с утра.

— Сейчас покушаешь — Голодный?

— Буду да. Я всегда голодный — чуть робко ответил я.

Мне кажется я и не хочу знать, как её зовут.

Вытерла свою писечку бумагой и грациозно пошла.

— Выходи... Омлет будешь? И да, я твою футболку положила в стирку, одень мою, она большого размера... я повесила.

— Как мило — удивлённо подметил я — Серая вижу, спасибо.

— А омлет с помидорами?

— С томатами... с томатами. — она ответила.

— Омлет — супер. То, что надо.

— Да, ты много белка потратил), надо восстановить).

Её улыбка, не только на губах, её всё тело раскрыто для общения. Глаза смотрят пронзительно, прямо в меня. Внутрь меня.

Загорелую попу видно из-под футболки. Без трусиков.

Я выхожу из ванной, обернув полотенце вокруг бедер, и тяжелый, влажный воздух кухни тут же обволакивает кожу. Но жар идет не от плиты — он исходит от неё.

Она стоит у стола, освещенная жарким солнцем. На ней только футболка, которая едва доходит до середины бедра. Тонкий хлопок стал почти прозрачным от влажности и тепла её тела, очерчивая каждый изгиб. Под тканью отчетливо угадываются острые соски и мягкий рельеф её груди, двигающейся в такт какой-то мелодии, в руке нож изящно разрезающий овощи.

Её загорелые ноги — спортивные и гладкие — кажутся ещё темнее в этом свете. Она слегка покачивает бедрами в ритм какой-то мелодии, известной только ей одной, и край футболки опасно задирается, оголяя почти всё при каждом движении.

Она чувствует мой взгляд. Не оборачиваясь, она прикусывает нижнюю губу — так же, когда я заканчивал на неё.

— Освежился? — её голос звучит с той же хрипотцой, что и ночью.

Я подхожу ближе, чувствуя аромат оливкового масла, специй и её собственного, мускусного запаха. Влажные темные волосы прилипли к её лопаткам, открывая шею, по которой медленно скатывается капелька пота.

— Кажется, омлет — это последнее, о чем я сейчас думаю, — шепчу я ей прямо в затылок, вдыхая жар её кожи.

Она замирает, откладывает нож и медленно разворачивается в моих руках. Футболка натягивается на её теле, подчеркивая всё то, что она так дразняще скрывает.

— Тогда зачем нам завтрак? — шепчет она, глядя мне прямо в глаза, и в этом взгляде я вижу, что жара в этой квартире только начинает достигать своего пика.

Она улыбается, не сводя с меня глаз, в которых пляшут опасные искры. Футболка на ней задралась ещё выше, открывая вид на её стройные бедра, и я чувствую, как жар от её тела смешивается со мной.

Вместо ответа она подается вперед, сокращая те жалкие сантиметры, что нас разделяли. Её влажные от жара ладони ложатся мне на грудь — контраст её горячей кожи и моей, ещё прохладной после душа, заставляет меня резко выдохнуть. Она медленно ведет пальцами вверх, зарываясь ими в мои волосы на затылке, и слегка тянет на себя.

— А теперь иди кушать, — шепчет она губами мне в самые губы, обдавая жарким ароматом. — Я не привыкла оставлять дела незавершенными, но сначала поешь.

В голове было что-то, от чего кружилась голова. Может, просто утро. Может, она.

Я сидел за столом, и смотрел, как она двигается по кухне. Легко, как будто делала это сотни раз. Может, так и было.

— Ты знаешь, — сказал я, глядя на тарелку с нарезанными помидорами, — у нас в семье всегда говорили «помидор». А ты сказала «томат».

Она не обернулась. Только усмехнулась, поправляя волосы, упавшие на глаза.

— И что?

— Ничего. Просто интересно.

Она нарезала помидоры тонкими кружочками, ловко, привычно. Нож в её руке двигался уверенно — как будто она резала не овощи, а что-то более важное.

— От бабушки, — сказала она. — Она говорила «томат». Сказала мне, это слово приехало к нам от французов. А твой «помидор» — от итальянцев, кажется.

— То есть ты — француженка, а я — итальянец?

— Выходит так. — Она улыбнулась, краем глаза. — Но это же один и тот же овощ.

— А если я скажу «томат», а ты — «помидор»?

— Ничего страшного. — Она переложила омлет на тарелку, подошла ко мне, поставила на стол. — Главное, чтобы он был красный и сладкий.

Я смотрел на неё. На её руки, на её грудь сквозь футболку, на улыбку, которая была адресована мне.

— Ты всегда так смотришь? — спросила она.

— Как?

— Как на помидор. Или на томат. Не важно.

Я улыбнулся. Может впервые за это утро.

— Наверное.

Она села напротив, взяла свою чашку с кофе, посмотрела на меня.

— Ешь, итальянец. А то остынет.

Я взял вилку. Омлет был горячим, помидоры — сочными, а она напротив — такой близкой и далёкой одновременно.

— А ты? — спросил я.

— Я так рано не завтракаю.

— Просто на тебя посмотрю. Мужчина должен хорошо кушать.

Я не поверил, но спорить не стал.

Она не сказала: «Я люблю готовить для тебя». Но это было в её голосе. Я это слышал.

Голоса в голове сейчас молчали. Может впервые за утро, как проснулся. Но я не знал, надолго ли.

Омлет на тарелке, выглядел и аппетитно, и одновременно красиво. Жёлтый, белый с красным от помидора внутри. И отдельно длинными дольками огурец.

— А есть что-нибудь попить? Холодное.

— Вода есть и молоко.

— Вода со льдом.

— Сейчас... Держи. — Она близко наклонилась ко мне.

Пододвинула стул ещё ближе.

Приятно...

Через футболку была видна её красивая грудь.

Глаза смотрят на меня и что-то говорят...

— Телефон мой не видела?

— Я положила в шкаф. Постоянно кто-то звонил...

Я чуть забежал глазами. Наверное... опять эти звонки.

— Женщина, наверное, твоя? — без нотки упрёка спросила она. Нежно глядя мне в глаза.

— Да нет... её давно нет...

Посмотрела и улыбнулась.

— Добавку будешь?)

— А есть? Давай... очень вкусно.

Омлет был просто идеален. Помидоры — восхитительное сочетание. Как я люблю. И огурец холодный. Соус бы ещё к нему, но и так вкусно.

Добавка была больше, чем основное блюдо) Очень приятно, когда о тебе заботятся.

— Спасибо — чуть робко от приятной растерянности сказал я. И посмотрел на неё с нотками восхищения.

— Почему ты говоришь «спасибо»? — она поинтересовалась.

— А как надо, по-твоему?

— Мне это ничего не стоит тебя накормить. Можешь сказать благодарю — предложила она.

— Может, я не хочу дарить благо) — шутливо ответил. Может, мне нужно спасение от грехов — Опять шутливо.

— Много грехов?) — ответила с улыбкой.

— Достаточно — ответил с ухмылкой.

— Ты, кстати, «начудил» вчера)

Сказала она и громко рассмеялась. Её красивые белые зубы засветились так же, как и её тёмные глаза.

— А тебе сколько лет? — с интересом сказала она.

— А сколько по твоему) — с улыбкой.

— Старше 25 и меньше 30.

— 35 — Гордо ответил я.

— Шутишь! — Ты выглядишь моложе. Никогда бы не сказала. Расскажи секрет?

Её глаза горели и ждали рассказа секрета.

— Много сплю и красивые женщины) — горящими глазами ответил я.

— О, это точно. Про секс ты сказал...? Это ты точно любишь. Я думала, ты меня ночью съешь).

— Вкусная очень).

— Кстати, ты так пахнешь... Что за духи? Или это твой запах?

Она обняла меня руками и прижала свою сладкую шею к моему лицу.

— Ты всегда ешь омлет с помидорами? — спрашивает она, пододвигая стул ближе.

— Всегда. А что?

— Просто... — она задумывается, проводит пальцем по краю тарелки.

— Я в детстве ненавидела помидоры. Мама резала их в салат, а я выбирала их. Каждый раз.

— А теперь?

— Теперь люблю. Особенно в омлете. Как будто организм понял, что я была душой.

Я усмехнулся.

— А ты какую еду любишь? — спрашивает она.

— Мясо. Хороший стейк. С кровью.

— Кровь нет.

— Ты не любишь мясо?

— Люблю. Но чтобы с кровью... — она морщит нос. — Слишком... по-мужски.

— А что ты любишь?

— Рыбу. Красную. И морепродукты. Креветки, мидии... — она мечтательно закатывает глаза. — И чтобы много чеснока и лимона.

— Сочетание странное, — говорю я.

— Ты просто не пробовал.

Она смотрит в глаза. Улыбается.

— Ладно, про еду поговорили. А ты что любишь, кроме стейка?

— Тишину, — ответил я не сразу. — Когда никто не трогает.

— А я люблю, когда трогают, — говорит она, и в её голосе появляется та самая нотка, от которой снова чувствуется тепло внизу живота. — Особенно утром.

Я отвёл взгляд. Допивая стакан воды.

— А погода сегодня... — начинаю я.

— Погода? — она смеётся. — Ты серьёзно? После такой ночи — про погоду?

— А хотел сказать... жарко очень. А что...?

— Ничего. Просто... — она наклоняется ближе. — На улице, солнце да. Но мне и здесь хорошо. С тобой.

Я смотрю на неё. Она не отводит взгляд.

— Ты всегда такая... — я подбираю слово, — ... прямая?

— Всегда. А ты всегда такой... замкнутый?

— Я не замкнутый, я задумался.

— Иди сюда, — говорит она.

— Зачем?)

— Просто. Хочу ближе.

Я двигаюсь ещё ближе. Кладёт голову на плечо.

— Так хорошо, — шепчет она. — Тихо. Тепло.

Я молчу. Но не отодвигаюсь.

— Знаешь, — говорит она, — я люблю такое утро. Когда не надо никуда бежать. Когда можно просто сидеть и чувствовать.

— И когда тебя нигде не ждут, только здесь. А что чувствовать?

— Тебя.

Я не отвечаю. Но рука сама ложится ей на талию, поднимая футболку.

— Вот так, — шепчет она. — Идеально.

Запах ударил мне в голову... Сразу в мозг... Проник и начал распространяться, как яд... Такой запах я ещё не чувствовал или не чувствовал давно... Мозг моментально дал сигнал, и мой член стал быстро каменеть. И без того находясь в «готовом состоянии» глядя на неё.

— Да, на мне духи вчера были. Иланг-иланг... Но должны были выветриться уже, наверное. Мне их подарили. Классные?... тебе нравятся? Ты разве не знаешь этот аромат?

Я уже эхом слышал её голос. Мои зрачки, наверное, сузились, как будто под препаратами. Её руки так обнимали мою шею. Я чувствовал себя спокойно и так приятно, как будто я в утробе матери. Одновременно голоса начали быстро со всех сторон шептать мне: «Возьми её, возьми её быстрее, насладись...»

И этот запах как будто распространялся по всему моему телу.

Я приподнял её со стула и посадил на столешницу... Её губы сразу прижались к моим.

Нежные, мягкие губы. Я взял её за волосы, открыл шею и начал покрывать её поцелуями. Она сжала мою голову своими руками и впустила пальчики в волосы.

— Что, пришёл в себя?) — сказала она.

— Тогда пора отдавать должок, помнишь?) — смеётся...

Я чувствую, как тонкий хлопок футболки скользит по моей коже, едва скрывая её наготу. Её бедра прижимаются к моим, и этот мягкий, дразнящий контакт выбивает почву из-под ног. Она прикусывает мою нижнюю губу — нежно, но с властным намеком, — и тут же слизывает след от укуса, заставляя меня забыть обо всем, кроме её запаха в этой душной, плавящейся кухне.

Металл столешницы под её бедрами кажется ледяным по сравнению с жаром её кожи. Футболка на ней задирается ещё выше, сминаясь у талии, и теперь ничто не скрывает её точечную фигуру, кроме тонкой полоски света из окна.

Она обхватывает мою талию ногами, притягивая вплотную, так что я чувствую каждый удар её сердца, учащенный и сильный. Её ладони, влажные от духоты, скользят по моей спине, оставляя за собой дорожки огня. Я сжал её ягодицы руками. Шея, по которой я прохожусь губами, впитывает вкус её кожи — её запах и чистую страсть.

— Ты... — выдыхает она, и её пальцы впиваются в мою спину, когда я нахожу губами её открытое плечо. — Ты слишком опасен для обычного утра.

— Это ты начала, — шепчу я, подхватывая её лицо ладонями.

Её темные глаза сейчас кажутся почти черными, зрачки расширены настолько, что в них можно утонуть. Она подается вперед, и её грудь, едва прикрытая натянутой тканью футболки, прижимается к моей груди. Я чувствую, как она тяжело дышит, как её бедра нетерпеливо сжимают меня, требуя большего, чем просто поцелуи.

Она перехватывает мою руку и направляет её себе под футболку, туда, где кожа самая нежная, где горячее всего.

— Тогда закончи это, — шепчет она, и в её голосе звучит не просьба, а приказ. — Пока мы окончательно не расплавились в этой чертовой жаре.

Я чувствую, как узел полотенца на моих бедрах слабеет под её ловкими пальцами, и всё замирает за пределами этой кухни. Только шум в голове начинает нарастать, её хриплый вдох и запах, застывший в волосах.

Полотенце окончательно соскальзывает на пол, оставляя нас один на один с этой удушающей, тишиной кухни. Я прижимаюсь к ней всем телом, чувствуя, как её смуглая кожа — влажная, горячая, пахнущая страстью и желанием — буквально обжигает мою.

Она обхватывает мою шею руками, притягивая к себе с такой силой, будто боится, что я исчезну в этом мареве. Её ноги, скрещенные у меня за спиной, сжимаются крепче, направляя каждое моё движение. Я чувствую, как под тонким хлопком футболки её соски твердеют от каждого моего прикосновения, и когда мои ладони ложатся на её бедра, приподнимая и направляя её навстречу, она издает тихий, протяжный стон, который тонет в моем поцелуе.

В воздухе стоит запах кофе, пряностей и чистой, ничем не сдерживаемой страсти. Каждое движение — как удар тока. Она выгибается в моих руках, закидывая голову назад, и её темные волосы каскадом рассыпаются по столешнице, смешиваясь с рассыпанным сахаром и каплями воды.

— Еще... — шепчет она, и её ногти оставляют на моих плечах следы, которые я почувствую только позже.

Ритм становится рваным, неистовым, под стать этой жаре за окном. Мы оба тяжело дышим, пот катится градом, но этот зной только подстегивает нас. В какой-то момент всё вокруг — стены кухни, запах омлета, гул города — перестает существовать. Остается только её стон мне в шею. И то что я слышу в голове.

Она слегка оттолкнула меня от себя...

Встала, сделала два шага назад и резко сняла футболку, бросив её на пол. Её глаза горели и смотрели на меня манящим и игривым взглядом.

Она подняла руки и начала поправлять свои пышные волосы, грудь уже налилась вверх, предвкушая...

Я смотрел на её миниатюрную кукольную фигурку только с одной мыслью... взять её как можно быстрее.

Голоса в голове уже кричали мне со всех сторон: «Возьми её... быстрее... попробуй её ещё раз... разорви...»

Она грациозно делала шаги назад, направляясь к комоду.

Я следовал за ней.

— У тебя сейчас такие глаза) как у маньяка) — и смеётся...

Я не смог ей ничего ответить. У меня была одна цель — её тело.

Ещё один шаг — и я войду в неё снова.

Я страстно обхватил её полностью. Мои губы скользили по её шее, плечам, груди... Она страстно нежилась в моих объятиях... слегка постанывая.

Её запах разрывал меня внутри... И вкус... вкус её кожи ещё сильнее туманил моё сознание...

Облизывая её красивый сосок, я сказал:

— Иланг-иланг, говоришь?) — Я запомню — и засмеялся.

— Иланг-иланг ты с меня слизал ещё вчера) — и ответила смехом.

Её красивый ротик и белые зубки сводили меня с ума не меньше, чем её тело. Я взял её за лицо обеими руками и начал целовать, поедая её губы.

Она взяла мой член в свою руку и начала страстно двигать ею на нём.

Я начал стонать, облизывая её грудь.

— О, такой же твёрдый, как и вчера) — с восхищением и игривостью сказала она.

Я поднял её ножку и засунул два пальца в неё. Там было всё мокро, влажно и горячо. Как в чаше с жидким сладким кремом. Она застонала.

— Ещё быстрее делай... — с придыханием произнесла...

Я убрал её руку с члена и начал резко вставлять в неё... Вошёл — она вскрикнула...

Голоса в голове закричали. Кто-то свистел, кто-то кричал, кто выкрикивал: «Разорви её!», кто-то: «Быстрее, малыш!»

Сквозь наслаждение она сказала — Только не сдерживай себя — Отодвинула меня.

Развернулась, оперлась руками о комод. Изогнула спину, бросая взгляд через плечо: «Ну?» И я подчинился.

Она стоит у окна, оперившись ладонями о темное дерево комода, и этот вид заставляет меня забыть, как дышать. Солнце, пробивающееся сквозь жалюзи, режет пространство на золотые полосы, которые ложатся на её обнаженную спину, подчеркивая каждый изгиб.

Её спина — безупречная, смуглая, с тонкой ложбинкой вдоль позвоночника, которая манит коснуться её губами. Из-за невыносимой духоты кожа стала влажной, и тонкие дорожки пота блестят в свете, медленно стекая к пояснице. Она чуть прогибается, и лопатки проступают под кожей, словно крылья.

Её футболка на полу и теперь открываются взору округлые, точеные бедра. В этой позе они кажутся еще более выразительными — мощная и одновременно хрупкая женская красота.

Она слегка покачивает бедрами, чувствуя мой взгляд, и я вижу, как напрягаются мышцы её стройных ног. Пальцы её рук крепко впиваются в край комода, — она ждет, и это ожидание сильнее, чем воздух перед грозой. В этой знойной тишине слышно только её прерывистое дыхание и тихий скрип дерева под её ладонями.

Её попа в форме сердца опиралась о мой член, переходя в узкую талию.

Шаг вперед — и вот уже нет ни расстояния, ни стеснения, ни слов. Я сразу всадил в неё. Резко и до конца.

— Да! Ещё и сильнее!

Только тихий стон, вырвавшийся у неё, и моё хриплое дыхание. Мир сузился до этой комнаты, до этого комода, до иллюзии, что мы — единственные люди на планете.

Я держал её за шикарные бедра и начал двигать в неё быстрее и сильнее.

Когда я прикасался к её попе, это было так мягко и одновременно упруго.

Я наслаждался ею. Голоса в голове ликовали. Прижавшись к её спине лицом я чувствовал её губами и языком, её кожу, двигая всё быстрее.

— Она — Ещё, да... Ещё!

Взял её руками за грудь. Она помещалась в моих ладонях. Сжал её.

Пот капал с подбородка на спину и скатывался вдоль позвоночника вниз. Между мной и её бедрами пылал пожар. Температура накалялась с каждым толчком.

Я чувствовал её всю. Я слился с ней.

Сперма пошла вверх...

Одной рукой я прижал её шею к комоду. Другой, держал попу и ещё сильнее начал двигаться в неё, чтобы хорошо кончить.

— Она — Ты и так можешь... давай, да!

Я двигался в неё, она уже была на финише. Мозг был полон восхищения и наслаждения. Глаза рябило. Я видел только её тело. Остальное было не важно.

Раздался звонок телефона.

Это мой)

Мы оба рассмеялись))

— Не останавливайся только! — громко, возбуждённым голосом, сквозь смех, срывающимся от наслаждения.

— Я почти всё... — громко...

Последние толчки приподняли её стопы над полом.

Я достал член и начал кончать. Сперма брызгала на её бёдра, спину, лопатки и достала до волос.

Я прижался лицом к её мокрой спине, покусывая её слегка за кожу.

Когда всё стихает, мы остаемся так же — она на комод, мои губы на её спине. Тишина теперь кажется густой и сладкой.

Она громко засмеялась от восхищения.

— Ну ты и дал жару...

Я отошёл от неё и упал на кровать...

Жарко было очень... опять эта жара...

Голоса в голове затихли. Стало спокойно и хорошо... Тело почти не слушалось и было расслаблено. По венам разливалась приятная, невидимая дрожь.

Она так и осталась, своим телом лежать на комод, несколько минут.

Я смотрел на её попу. Она была с багровыми пятнами от моих толчков на выпуклой её части. Между ягодиц — темно. Видимо, её тёмные волосики вокруг половых губ. Хотя моё зрение ещё не пришло в норму после такого и ещё восстанавливалось. Но это было красиво. Очень красиво. Чёрная дыра притягивала мой взгляд и как будто опять засасывала меня туда.

Голоса стали просыпаться в мозгу вновь.

Я отвёл взгляд. И пить. Ужасно хочется пить...

— Я принесу тебе воды со льдом... красавчик) — игриво и с горящими глазами сказала она.

Она направилась к холодильнику. И её попа сжималась, когда она делала шаги. Мои глаза опять начинали фокусироваться только на ней. Я убрал взгляд.

— Да, и большой стакан, если можно.

Проходя к холодильнику, она взяла влажные салфетки и начала убирать ими мою сперму...

— Вытираю наших детей с попы) — смеясь сказала она, сверкая своей улыбкой.

Резко пришла в голову мысль — она это так сказала, как будто мы пара. Как будто мы давно вместе. Это же всего лишь секс на ночь. Ладно, это женщина. Они всегда так мыслят. Не придумала же она чего-нибудь на счёт меня за одну ночь.

— Кстати, дети попали тебе на волосы) — поддержал шутку я.

— Я только вчера помыла голову.

— Это всего лишь белок. Натуральный, причём. Чего ты боишься?) Будет вместо маски для волос).

— Ха-ха, смешно. Наверное, придётся мыть голову)

— Держи воду — Она подошла и протянула мне стакан.

Так хотелось пить, что я выпил весь залпом. И лёд ударился о мои зубы.

Я подумал какой был горячий секс. Что я действительно наслаждался ею. А не банально, вошёл и кончил. Я наслаждался ...слыша её стон, чувствуя её вкус во рту и их крики.

Но мне пора уходить, я не хочу, чтобы с ней что-нибудь произошло... Она слишком хороша...

Выпью кофе в другом месте... Приучил себя, пить кофе с утра.

Я одел джинсы, которые сидели на мне идеально, и её футболку, которая была как будто всегда моя. Или она была моя...

Она смотрела на меня. В глазах — лёгкая улыбка.

— Ты не спросишь, как меня зовут? — сказала она.

— А ты скажешь?

Она покачала головой.

— Когда придёшь в следующий раз.

Я замер.

— А если не приду?

Она пожала плечами.

— Придёшь. Ты всегда приходил.

Я посмотрел на неё не понимая о чём она. В голове всё спуталось.

Вечером был бар. Ночь с ней. И утро... А сколько времени?

Кто эта девочка? Как я вообще к ней попал)?

Она лежала на кровати без одежды, на животе, смотрела что-то в телефоне и расчёсывала волосы. Какое всё-таки у неё красивое тело.

— Ну что, я тебе должок вернул?

— И не один раз) — опять игривый тон.

— То есть теперь должна мне ты?)

— Возможно, возможно...

— А ты кто по гороскопу? Сейчас как раз читаю... в ленте попался...

— И что пишут?

— Она — Так какой знак? Говори...

— Сама догадайся)

— В тебе много секса, страсти. Какая-то большая энергия внутри. Но я не пойму какая, ещё... Она как будто скрыта и выходит не всегда. Да) ...точно)

Я замер. Она видела то, что другие не видят. То, что я сам старался не замечать. Энергия, которая выходит, когда гаснет свет. Когда просыпаются они.

— Ты не простой. Я это сразу поняла.

— С чего ты взяла?

— По глазам. У тебя глаза... они как будто смотрят и видят что-то другое. Не то, что видят все.

— И я знаю твой знак... Тебе сегодня надо быть очень осторожным...

Она говорила это так спокойно, будто констатировала факт. Будто знала обо мне больше, чем я сам.

— Может, у меня просто зрение плохое) — ответил я про глаза.

Она не засмеялась. Просто смотрела. И в этом взгляде было что-то... что заставило меня свернуться внутри.

— Ты боишься чего-то. Чего-то внутри себя. Я права?

Вопрос повис в воздухе. Где-то в глубине сознания зашевелились те, кто не должен просыпаться днём. Они ждали моего ответа. Они хотели, чтобы я признал их существование.

— Все чего-то боятся. — смущённо ответил я.

— Не все. И не так.

— Ты боишься не снаружи — ты боишься внутри. Себя боишься.

Я промолчал. Потому что она была права.

Она смотрела на меня долго. Очень долго. Потом улыбнулась — чуть заметно, одними уголками губ, играя при этом бёдрами.

— Знаешь, — сказала она тихо, — Мне почему-то кажется... что ты не такой, как все.

— Почему? — спросил я.

— Потому что ты молчишь. И в этом молчании — больше, чем в любых словах.

Она встала, подошла к окну. За стеклом просыпался город. Серый, и жаркий одновременно, чужой.

— Ты уже уходишь? — спросила она, не оборачиваясь.

— Да — ответил.

— Я знаю.

Она повернулась. Подошла ко мне. Ближе. Слишком близко.

— Позвонишь?

Я не ответил.

— Хотя бы напиши, — сказала она. — Просто чтобы я знала, что у тебя всё хорошо.

— А если не позвоню?

Она улыбнулась. Грустно.

— Тогда буду ждать.

— Долго?

— Сколько надо. Я давно жду.

Она взяла мою руку. Провела пальцами по моему лицу. И поцеловала.

— Ты пахнешь мной, — сказала она. — Уходи, пока не выветрилось.

Я усмехнулся.

— Ты всегда такая... странная?

— Только с теми, кто мне нравится.

— Я пойду, — говорит он.

— Хорошо.

Пауза. Я задумался на миг.

— Как я у тебя оказался?

Она улыбается краем губ.

— Важный вопрос?

— Не во время? — пожимая плечами. — Просто... не помню.

Она поворачивается. Смотрит долго, изучающе.

— Как придёшь в следующий раз — расскажу.

— В следующий раз?

— Если захочешь, — говорит она. — Придёшь — узнаешь.

Я смотрел на неё. На её улыбку, на волосы.

— А если не приду? — с улыбкой.

Она пожимает плечами.

— Тогда не узнаешь.

Она отпустила мою руку. Сделала шаг назад.

— Иди. А то я передумаю и не отпущу.

Я вышел. У двери обернулся.

Не могу заставить себя уйти, пока не увижу её в последний раз в этом утреннем свете.

Она стояла в проёме кухни, босиком, с улыбкой, которая не обещала ничего, кроме надежды, медленно опускаясь к белой футболке, брошенной на пол.

Я замираю, жадно впитывая каждый сантиметр её обнаженного тела. Тёмные волосы раз-метались по лопаткам, скрывая и тут же открывая изящный изгиб. Её спина — безупречно гладкая, с тёмным отливом загара — кажется нестерпимо горячей даже на расстоянии.

Она поднимает руки вверх, и я вижу, как напрягаются мышцы на её пояснице, как плавно очерчены её бедра. Ткань хлопка медленно скользит вниз, сначала скрывая плечи, а затем неохотно накрывая изгиб талии.

Она оборачивается, чувствуя мой тяжелый взгляд. Поправляет волосы и чуть прикусывает губу — тот самый жест, который заставляет меня всерьёз подумать о том, чтобы ещё остаться.

— Ты всё еще здесь? — шепчет она, и в её глазах вспыхивает лукавый огонек.

— Может тебе остаться? — сказала она.

Я покачал головой.

— Не могу.

— Почему?

Я не ответил. Внутри голоса уже шептали: «Давай ещё поиграем с ней...».

— Я вернусь.

Она делает шаг ко мне, и по тому, как колыхнется подол футболки на её бедрах, я понимаю: я забыл здесь гораздо больше, чем просто здравый смысл.

— Эй, — сказала она.

— Что?

— Береги себя.

— Выход найдёшь? — с улыбкой сказала она. Но так что у меня промелькнула мысль — какой выход она имела ввиду...

Я кивнул. Вышел. Дверь закрылась.

А она осталась стоять. Слушать, как затихают шаги. Смотреть на дверь, за которой меня уже нет.

И ждать...

Конец Акта.

Акт 2. Кафе. Последний вздох

Сцена 1

Спускаясь по ступенькам я пытался собрать в кучу всё, что случилось этой ночью. Какие-то остаточные звуки, затухающий шёпот — они ещё отдавались эхом в голове, но с каждым шагом становились тише.

Сейчас я выйду — и всё уйдёт.

Я толкнул дверь подъезда. Свет ворвался в глаза — резкий, яркий, беспощадный. На секунду я ослеп, и в этой вспышке наступила тишина. Абсолютная. А потом звуки улицы пробили перепонки, и я вздрогнул.

Город дышал. Машины, голоса, шаги, далёкий гул метро — всё слилось в одно огромное сердцебиение, которое пульсировало вокруг, втягивая меня в свой ритм.

На секунду я зажмурился.

Этот переход из тишины подъезда в утренний ад всегда давался тяжело. Солнце стояло уже высоко, и его лучи врезались в глаза, как ножи. По спине побежал пот — влажный, липкий, будто город уже начал высасывать из меня силы.

Город днём. Жара.

Солнце светило почти в зените и, кажется, даже не собиралось сдвигаться с места. Оно висело над городом, как раскалённая лампочка в огромном террариуме, и плавил всё, до чего могло дотянуться.

Асфальт под ногами превратился в мягкую, податливую массу. Чёрную, липкую, которая хотела захватить ноги и не отпускать. Каждый шаг давался с усилием — будто город сам не хотел, чтобы по нему ходили. Будто говорил: «Сиди дома, дурак, какая улица в такую жару».

Но люди не слушали.

Они высыпались на тротуары, как муравьи из растревоженного муравейника. Тысячи, десятки тысяч маленьких фигурок, каждая со своим маршрутом, со своей целью, со своей жизнью. Они текли вдоль проспектов, пересекались на перекрёстках, сталкивались у входов в метро и снова расходились — равнодушные друг к другу, объединённые только общим потоком.

Гул стоял над городом — низкий, вибрирующий, непрерывный. Машины сигналили, не переставая — кому-то не уступили, кто-то замешкался на переходе, кто-то просто от скуки давил на клаксон. Автобусы выпускали клубы чёрного дыма, который тут же таял в раскалённом воздухе, оставляя после себя только запах — тяжёлый, маслянистый, оседающий на языке.

Голоса людей смешивались в один сплошной звук — как будто кто-то включил радио и крутил ручку настройки, ловя все станции сразу. Женский смех, обрывки телефонных разговоров («...я тебе перезвоню, здесь такая жара...»), детский плач, крики уличных продавцов, музыка из открытых окон машин, чей-то мат, когда толкнули в потоке.

Из дверей наружу вырывались волны кондиционированного холода — на секунду становилось легче, но стоило отойти на пару шагов, как жара набрасывалась снова, будто мстя за короткую передышку.

Пахло всем сразу.

Где-то жарили шаурму — жирный, мясной дух смешивался с запахом жжёного масла. Рядом, из вентиляции пекарни, тянуло свежим хлебом — тёплым, сдобным, невозможным в такую погоду. Девушка в коротких шортах прошла мимо, оставляя за собой шлейф духов — сладких, приторных, слишком густых для этого пекла. На углу двое курили, и табачный дым вплетался в общую струю, делая воздух ещё тяжелее.

Где-то далеко, на проспекте, заскрежетали тормоза — пронзительно, больно, будто по стеклу провели гвоздём. Кто-то закричал, кто-то ответил матом, но через минуту всё стихло — город переварил и это.

Запах расплавленных шин висел над бетонной дорогой густым, химическим облаком. Казалось, ещё немного — и асфальт потечёт настоящей рекой, унося с собой всю эту суету, все эти машины, всех этих людей, которые осмелились выйти на улицу в такое пекло.

Где-то на втором этаже старого здания хлопнуло окно. Кто-то выглянул, вылил воду из чайника прямо на тротуар — вода зашипела, испарилась, не долетев до земли.

Дети во дворе поливали друг друга из шланга — их визг пробивался даже сквозь общий гул.

Старушка у входа магазина обмахивалась газетой, глядя на всё это с высоты своего кресла. Ей было всё равно на жару. Она видела и не такое.

А он не останавливался.

Сквозь этот ад, сквозь запахи, звуки, толпу. Он был частью этого муравейника, но одновременно — вне его. Его мысли были заняты другим. Вчерашней ночью. И чем то ещё...

Где-то внутри начинали шевелиться голоса — предчувствуя вечер, предчувствуя темноту, предчувствуя её. Но пока, в этом пекле, они молчали.

Жара выжигала всё лишнее.

Он шёл по городу, и каждый шаг отдавался в голове глухим эхом. Солнце оставалось высоко, ему было жарко. Но внутри таился холод. Тот самый, который он не научился замечать.

Мысли возвращались к утру. К ней. К пятнам на футболке. К тому, что он не помнил.

Он не помнил не только эту ночь.

Первый раз такое случилось давно. Вечеринка, выпивка, а потом — темнота. Проснулся дома, в своей постели, и не понимал, как там оказался. На джинсах были пятна. Он тогда решил, что просто налил на себя. Выпил лишнего. Забыл.

Потом провалы стали длиннее. День, два, несколько. Он просыпался в незнакомых местах, с людьми, которых не помнил. В голове — пустота, а где-то на задворках — голоса. Они всегда были там. Просто раньше он их не слышал. Или мог не слышать.

Он остановился на углу, пропуская машину. За рулём сидела женщина, рядом — ребёнок. Обычное утро. Обычная жизнь. Он смотрел на них и пытался представить, каково это — помнить каждый свой день, каждую ночь, каждое утро.

Не получалось.

Голоса зашевелились. Тихо, на грани слышимости.

— Ты ничего не помнишь, — прошептал один. — И не надо. Не надо помнить.

— Забудь, — добавил другой. — Как всегда. Как всегда забываешь.

Он зажмурился, пытаясь их заглушить. Сжал кулаки, вдохнул глубоко, выдохнул.

Когда открыл глаза, машина уже уехала. Женщина с ребёнком исчезла. Остался только город, шум, запах бензина и свежей выпечки.

Он посмотрел на свои руки. Чистые, спокойные. Но внутри шевелилось что-то, что он не мог объяснить.

Город шумел. Тысячи голосов сливались в один — монотонный, давящий, как те, что внутри.

Он пошёл дальше. К кофе. К воде. К тишине, которая хотя бы на время заглушит голоса. Но он знал: они никуда не денутся. Они ждали. Всегда ждали.

А он — забывал. И не знал, что лучше — помнить или не знать.

В горле пересохло. Надо спастись.

Кофе. Вода. Лёд. Хоть что-то, что вернёт меня в нормальное состояние.

Шум в голове ушёл, растворился где-то в недрах сознания. Я хочу сделать то, что делают все по утрам в большом городе. А именно — зайти в кофейню.

Кофе — чтобы отойти от алкоголя. Вода со льдом — чтобы хоть чуть-чуть охладиться. Прийти в себя.

Где-нибудь найти прохладу. Кофейни сейчас повсюду. Главное — чтобы кофе был хороший, настоящий. Итальянской обжарки. А не просто кипяток с порошком.

Я хочу эспрессо. Буду как итальянец где-нибудь в Неаполе. Никаких сахарных латте и им подобных. Не могу смотреть, как здоровые мужики приходят и заказывают капучино с сиропом.

Я представил эту картину и поморщился. Мужик с щетиной, в рабочей робе, заказывает сладкую молочную бурду — позорище. Хотя, может, я просто слишком много на себя беру. Может, им просто нравится. А мне нравится эспрессо — горький, крепкий, бьющий прямо в цель. Как выстрел. Как напоминание, что ты ещё жив.

И потихоньку приходиться в себя после вчерашнего. Перепил явно. «Надо заканчивать», — каждый раз говорю себе. И подумать. Чуть-чуть подумать о том, что произошло.

Как же жарко.

Солнце светит и светит, обжигает кожу, будто пылает всё изнутри, пытается сжечь меня, ослепить. Даже голову не могу поднять. Приходится прятать глаза за тёмными очками до самой темноты.

Я ночной человек. День для меня — каторга. Утро ещё можно переждать. Но день — его я стараюсь перетерпеть, пережить. Иногда кажется, что однажды я просто сгорю, как мясо на гриле. Если его вовремя не снять — останутся только чёрные кости.

Я шёл по тротуару, и асфальт под ногами становился всё мягче и мягче. Воздух дрожал, и в этом мареве фигуры прохожих казались размытыми, нереальными. Как в старом кино про ядерную зиму. Только здесь не зима — здесь ад. И я в нём — грешник, который забыл, за что его наказали.

Вечером легче. Я начинаю медленно остывать. А с наступлением ночи становится хорошо, спокойно. Но ночью они могут проснуться. Хотя это только в голове. Тело остынет, и я смогу отдохнуть.

Они... Я даже не знаю, как их называть. Голоса? Тени? Демоны? Когда-то я пытался дать им имена, чтобы контролировать. Но они не принимают имён. Они просто есть. И чем дольше я живу, тем больше их становится.

Они начинают нащёптывать разными голосами. Кто-то кричит, кто-то монотонно бормочет. Иногда не разобрать слов. Может это не слова — они не произносят слов. Они рокочут, а слова проецируются у меня в голове.

Я не пойму, что им надо. Они просто показывают своё присутствие. Показывают, что не оставят меня. Показывают, что всегда рядом.

Есть мгновения, когда я могу отдохнуть. Но они совсем недолгие.

Как сейчас, например. Пока я шёл, они почти молчали. Но я знал — это затишье перед тем как начать заново. Они где-то там, в глубине сознания, копошатся, ждут своего часа. Как тараканы, которые выползают, когда гаснет свет. Только мой свет никогда не горит достаточно ярко, чтобы их прогнать.

В голове бывает штиль. А иногда — ураган. Чем больше проходит времени, тем реже бывает штиль. Может, они уйдут когда-нибудь. Хотелось бы этого больше всего.

Так легче. Намного легче.

Чуть-чуть спокойствия... совсем немного...

И будет хорошо.

А что сегодня может облегчить моё положение? Надо подумать...

Я всё ещё пахну ей.

Хотя сходил в душ. Её запах не ушёл. Я его чувствую. Сладкий, манящий. Я весь будто пропитался им, ею. Он в моей голове? Или всё-таки на теле?

Я поднёс руку к лицу, вдохнул. Сквозь горячий воздух пробивалось что-то неуловимое — её кожа, её волосы, тот самый момент, когда мы лежали рядом, и я смотрел, и она ещё

спала. Она была красивая. Не той дешёвой красотой, а чем-то настоящим, глубоким. И я позволил себе забыться. Это была ошибка. Я знал это, но не мог остановиться.

Это было наслаждение. Не механический секс, чтобы просто кончить. Я полностью был в ней. Не только телом — чем-то большим.

Что-то в ней есть такое. Что-то, что я чувствую.

Не как обычно.

И я не понимаю, что.

И они в голове кричали громче, чем обычно. Понравилось им.

Я усмехнулся своим мыслям. Им всегда нравится, когда я теряю контроль. Когда эмоции захлёстывают разум. Тогда они выползают, как змеи из нор, и начинают нащёптывать. В этот раз они были особенно активны. Особенно громки. Что-то в ней задело их. Или разбудило. Что-то, чего я не понимаю.

Кофе.

Я ищу взглядом. Кофейню.

Музыка... Слышу музыку.

Женский голос напевает что-то нежное, лёгкое, мелодичное. Фиолетовые огни подсвечивают окна. Пирожные и десерты в витрине. Вывеска, похожая на казино, и неоновые огни.

Красивый дизайн — видно издалека.

Главное, я вижу пирожные. А это значит...

Значит, здесь есть то, что я ищу.

Я остановился перед витриной, вдохнул запах свежей выпечки и молотых зерен. Этот запах всегда действовал на меня как вспышка — возвращал в реальность. В детстве мама пекла пирожки по выходным, и весь дом пах чем-то тёплым, уютным, безопасным. Сейчас от этого запаха у меня сжалось сердце. Безопасность — это то, чего у меня давно нет.

Сцена 2 Улыбка

Я открыл дверь.

Музыка стала громче. Но не напрягала. Утренняя, спокойная. То, что нужно. Чтобы не спеша проснуться и заказать чашечку.

Почти пусто. Утро. И выходной.

Внутри было прохладно. Кондиционер гудел ровно, и этот звук смешивался с ритмом, который лился из динамиков. Саксофон. Что-то грустное, меланхоличное. Под стать моему настроению. Я оглядел зал: пара столиков у окна, в углу девушка читала книгу, попивая что-то из высокой кружки. Обычное утро обычных людей.

Они и не думают о том, как им повезло, не слышать этот шёпот где-то в глубине, а наслаждаться утром.

Присяду где-нибудь, чтобы видеть вход.

Не люблю сидеть спиной к дверям. Чувствую напряжение, когда не вижу, кто за мной.

Хотя оно всегда со мной — внутри меня.

Может это закончится когда-то. Я бы этого хотел.

Я выбрал столик в углу, откуда открывался вид и на дверь, и на барную стойку. Идеально. Спина прикрыта стеной, глаза контролируют периметр. Паранойя? Возможно. Но это может спасти мне жизнь. Точнее, то, что от неё осталось.

За баром стояла девушка. Молодая. Очень милая на вид, с красивыми голубыми, может даже синими глазами и пышными губами — видно, что их недавно сделали, они ещё не совсем отошли от уколов.

Ей около двадцати, и в ней чувствуется тот самый возраст, когда дерзость смешивается с расцветающей женственностью.

На ней простая белая футболка, но на её теле она выглядит вызывающе: тонкий трикотаж облегает высокую грудь и подчеркивает стройную осанку.

Я смотрел на неё и думал, про филлеры в губах. Она и так красивая. Свежая, как утро за окном.

Я посмотрел ещё и сразу эта мысль ушла, её губы выглядят невероятно мягкими и манящими.

Она стоит у высокой стойки бара, окутанная приглушенным ритмом музыки. В какой-то момент, словно устав от тяжести собственных волос, она медленно поднимает руки вверх, чтобы собрать их в небрежный узел. Когда она поднимает руки так высоко, её грудь под натянутой тканью футболки приподнимается.

Она знает, что на неё смотрят. Она чувствует, как этот жест — обнаженные подмышки, тонкие руки, изгиб шеи и высоко поднятые локти — приковывает взгляды сильнее, любого откровенного платья.

— Доброе утро, — она улыбнулась. Красиво.

— Повезло, — ответил я.

Она смотрела на меня красивыми глазами, чуть склонив голову.

— В чём повезло?

— Утро.

— Утро? — её вопрос.

— Да. Оно у вас доброе — сказал я шутливо.

Она засмеялась. Искренне, не наигранно. Смех был лёгким, как колокольчик. Я почувствовал, как что-то тёплое шевельнулось в груди. Давно я не слышал такого смеха. Давно сам не улыбался так, как сейчас.

Было приятно на неё смотреть.

— А у вас какое утро? — спросила она. — Не доброе разве?

— У меня как всегда, — я отвёл взгляд. — Или как обычно.

— У вас всегда недоброе утро?

— Сегодня лучше, чем... — Я подумал. — Или скорее могло быть и хуже.

— Может, наше меню сделает ваше утро добрым? — она подалась чуть вперёд. — Или что-нибудь ещё хотите?

Она смотрела на меня так, что я на секунду забыл, где нахожусь. В её взгляде не было ничего, кроме тепла и искреннего желания помочь. Это подкупало. Это было опасно. Я не должен был позволять себе расслабляться, но её глаза... они проникали под кожу.

Она была такая нежная на вид. И так тепло смотрела.

— Очень мило с твоей стороны, — сказал я. — Давай сделаем утро добрым и день удачным...

— Чёрный? Капучино? — она уже тянулась к кофемашине.

— Эспresso, и большой стакан воды со льдом.

Она замерла, чуть удивлённо подняв брови.

— Эспresso?

— Что-то не так?

— Отличный выбор, — она улыбнулась. — Просто обычно берут американо или капуч.

— Капуч?

— Да, капучино. Сокращённо. — Она кивнула куда-то в сторону. — Ещё вон тот посетитель, он пьёт бамбл.

— Бамбл?

— Кофе и апельсиновый сок. Со льдом — Она уточнила.

Я представил.

— Звучит неплохо. Освежает, наверное. Но название как в жопе у Микки Мауса.

— В жопе Микки кого... — она рассмеялась снова, и этот смех прокатился по пустому кафе, отражаясь от стен, ей даже стало не много не по себе.

— А американо — это эспresso с водой, капучино — это для девочек. — Я усмехнулся своим мыслям.

— Для девочек?)

Я смотрел, как её глаза сияют, и чувствовал, как мои собственные губы растягиваются в улыбке. Чёрт. В последнее время для меня это было не привычно.

Она горит глазами. И вся расцветает.

— Сахар? — спросила она.

— Да. Чуть-чуть.

— Чуть-чуть? — она прищурилась.

— Половину пакетика, если в пакетиках. Или маленькую ложку. — Я помедлил. — А то я и так слишком сахарный.

— Да я заметила.

Она опустила взгляд. Коротко, но я успел заметить её жест.

Этот жест — был таким естественным, таким девичьим, что я на миг застыл. Она стеснялась. Стеснялась своего кокетства. И это было куда привлекательнее, чем любые уколотые филлерами губы.

Девочка была стройная, с тёмными волосами, сплетёнными в хвост. Милые, невинные, синие глаза смотрели на меня, как будто не в первый раз.

Я наблюдал, как она возится за кофемашинкой, и поймал себя на мысли, что рассматриваю её как-то... не так. Не как объект. А как картину. Как что-то красивое и хрупкое, что нельзя трогать, чтобы не разбить. Она напомнила мне кого-то. Кого-то из прошлого, кого я потерял. Или кого у меня никогда не было.

Но в её взгляде, где-то в глубине, я увидел то, что она не хочет показывать. Наверное это печаль. Я прочитал это в её глазах. Как ей не хочется стоять здесь и готовить кофе, разносить десерты. Скорее всего, она думает, как бы ей хотелось сейчас прийти в эту же кофейню, и такая же девочка приготовила бы ей кофе — какой-нибудь латте с рисунком на пенке в виде сердечка. Вместе с подругами весело провести утро выходного дня. Обсудить какую-нибудь чушь из социальных сетей. Или где сделать пышные губки. Похвастаться красивым маникюром. Съесть вкусный десерт в розовой глазури.

Или она просто хочет сейчас спать, завернувшись в чистую белую простынь, и видеть красивые сны.

Как и я. Я давно не видел нормальных снов.

И не спал толком. Мой сон — это просто вырубиться и проснуться. И там я слышу только их, голоса.

Мысль о них пришла неожиданно, как удар под дых. Я зажмурился, пытаюсь отогнать её. Не здесь. Не сейчас. Здесь слишком светло, слишком чисто. Они не должны появляться сейчас. Но они уже шевелились. Где-то эхом начинался тот самый знакомый рокот, который предвещал бурю.

Я смотрел в её сторону и задумался.

Ей приходится стоять за баром и ждать заказов, потом приносить десерты. Надо улыбаться посетителям, и она не всегда это хочет и может. Она показывает это не всем, выбирает, кому да, кому нет.

Но для меня её уголки губ сегодня ползут вверх.

Я смотрел и думал о том, как легко всё может сломаться. Один неверный шаг, одно неверное решение, одна встреча не с тем человеком — и всё.

— Кофе здесь или с собой? — спросила она, показывая стаканчик на вынос.

— Что? — переспросил я, выныривая из мыслей.

— Кофе в чашке или в пластике? — её лицо терпеливо осветилось.

Слишком долго для такого простого вопроса.

— Извините, — я мотнул головой.

В её взгляде мелькнуло что-то — не обида, скорее понимание. Как будто она часто видела таких, как я. Людей, которые заходят в кафе не столько за кофе, сколько за паузой. За возможностью побыть в тишине, среди чужих мыслей.

Или мне показалось?

Я опять уловил в её взгляде лёгкое кокетство.

— В чашке, — ответил я. — Я посижу здесь... с вами.

— Присаживайтесь, — она кивнула в сторону зала.

— Я у окна, спасибо.

Я отошёл от неё, и в голове начался отдалённый рокот. Где-то вдалеке усиливающийся шёпот.

Нет. Опять... Не хочу.

Я сжал кулаки, пытаюсь вернуть контроль. Дыши. Глубоко. Медленно. Считай про себя. Раз, два, три, четыре... Они не должны. Не здесь. Не сейчас. Она не должна заметить. Она не должна знать.

Девочка сразу не вызвала низменных чувств. Внешне милая красивая. Ещё по сути ребёнок.

Но я понял... они почуяли. Они что-то почуяли. Они чувствуют какую-то связь и начинают просыпаться, оживать в моей голове. Это новое поведение. Раньше было меньше, обычно ночью.

Нет.

Я убрал взгляд от неё. С ней не должно ничего произойти. Не поддавайся. Они меня не заставят.

— Я подожду за столиком, милая леди, — сказал я.

Её лицо заиграло красками.

Я сказал это вслух. Да, бывает — мысли проскальзывают. Иногда это оборачивается неудобно, но в данный момент... я думаю, это даже очень неплохо получилось.

Шёпот в голове нарастает... так, не надо думать об этом.

Звонок.

Телефон зазвонил неожиданно, заставляя меня зажмуриться. Резко. Я даже вздрогнул.

На экране высветилось: «Моя женщина».

О, чёрт. Какая женщина?

Женщина? У меня её нет. Тем более «моей».

— Аллю?

Тишина. Потом — шёпот. Тот самый. Из ванной. Из ночи. Из головы.

— Привет, милый. Скучал?

У меня перехватило дыхание. Я посмотрел на экран. Номера нет. Только надпись. Но голос... этот голос не мог принадлежать ей. Никакой «ей».

Я помедлил, чувствуя, как внутри снова начинает закипать тот самый липкий жар.

— Кто это? — голос сорвался.

— Ты же знаешь. Дорогой это я.

Я прижал трубку к уху, ожидая услышать помехи или тишину, но вместо этого в динамике раздался смешок — тихий, мелодичный и до боли знакомый.

— Ты ведь не думал, что я оставлю тебя в покое в такую жару, дорогой?

Сердце пропустило удар.

Я бросил трубку. Телефон упал на стол, экран погас.

Тебя нет, — выдохнул я.

Девушка с высоким стаканом, смотрела на меня. Спокойно. Слишком спокойно.

— Всё нормально? — спросила она.

Я молчал. Смотрел на телефон. Потом на неё.

— Да. Просто... показалось.

Она кивнула. Сделала глоток кофе.

— Бывает.

Но я уже знал. Голос теперь везде. Даже в телефоне. Даже в тех, кого я считал близкими.

Девушка на против меня вдруг сказала:

— Выгляни в окно. Тебе не кажется, что лето сегодня слишком... красное?

Я медленно повернул голову к окну, боясь того, что могу там увидеть.

Потом снова на неё. Она молча смотрела в окно.

Они играют со мной.

Я почувствовал, как внутри закипает раздражение. Они всегда так — загоняют в угол, заставляют оправдываться. А я ненавижу оправдываться. Ненавижу чувствовать себя виноватым, особенно когда виноват.

— Эй... — она коснулась моей руки своими теплыми пальцами. — Вы здесь? Это прикосновение подействовало как удар током. Голос в голове захлебнулся на полуслове и исчез, смытый теплом её ладони. Я открыл глаза и увидел её — настоящую, встревоженную, без тени того безумия, что преследовало меня.

— Ваш кофе, — девочка принесла мою чашку.

Несколько секунд я просто сидел, глядя в одну точку. Сердце колотилось, уши заложило. Адреналин. Каждый раз это выбивает меня из колеи. Но я сам виноват. Сам. Надо было не брать трубку. Они теперь могут звонить...

Такое было впервые, напряжённо, я почувствовал панику.

Как всё прошло, спрашиваю сам у себя...

Дыши... дыши.

Ладно. Всё прошло нормально.

Я не верил своим мыслям. Вру сам себе. Ничего не произошло нормально.

Надо отвлечься. Выдохнуть наконец.

Здесь хорошо. Не так жарко. Сейчас всё пройдёт.

— У вас всё нормально? — спросила она. — Что-то случилось?

Это она мне?

Я пытался держать голос ровно, но слова выходили короткими, рваными. Мозг лихорадочно обрабатывал реальность: стаканы, меню, её лицо. Я боролся с желанием оглянуться — мне казалось, что за моей спиной все шепчутся, обсуждая, как долго я продержусь, прежде чем рухну прямо здесь.

— Да, всё хорошо, — ответил я. — Не удачно взял трубку. А что, слышно было?

Она посмотрела на меня чуть внимательнее, и я на мгновение замер.

— Да, слышно было как упал телефон, — она кивнула. — Здесь тихо, когда почти никого нет. — Она помедлила, будто беспокоясь — Ваша девушка?

— Нет, — я рассмеялся. — Возможно, уже нет.

— Точно всё хорошо?

Через секунду на стол с глухим стуком лег тяжелый стакан, доверху наполненный льдом и водой.

— Просто... длинный день, — я сглотнул вязкую слюну, чувствуя, как жар внутри начинает понемногу отступать под воздействием её спокойного взгляда. Просто нужно немного посидеть в тишине.

— Чего так?

Я поднес стакан к губам, чувствуя, как ледяная вода остужает пересохшее горло. На мгновение мне показалось, что я победил.

— Да ничего, — я отмахнулся. — Ошиблась номером.

— Да я поняла.

Телефон снова завибрировал. Я посмотрел на экран. Незнакомый номер.

— Ничего, всё хорошо, — сказал я, убирая в карман. — А ты чего грустная?

Я уже не знал, что сказать. Наверное говорил о себе.

— Я? — она удивилась. — Что, так заметно?

— Не то чтобы заметно, — я пытался уточнить. — Но какие-то нотки я уловил, когда зашёл.

— Да надоело всё, — она вздохнула. — Но вы мне подняли настроение.

— Чем?

— Вы сказали милая ..., — весело произнесла она.

— А, ну это так и есть, — я оживился чувствуя, как ледяная вода наконец-то начинает действовать. — Никакой лести.

Она улыбнулась.

— А что надоело? — спросил я.

— Да всё, — она повела плечом. — Работа. И вообще. Сегодня тест прошла. Оказывается, у меня какое-то расстройство.

— Тест?

— Да, тест. Случайно попался в сети: «Пройдите тест». И я прошла быстро. Не помню название.

— И что? — я нахмурился. — Это же, наверное, несерьёзно. Чего переживать?

— Да всё одно на другое, — она опустила глаза. — И этот тест...

— Расскажи, что там?

— Отвечаешь на вопросы, — она пожала плечами. — И он выдаёт результат и описание предполагаемого заболевания.

— Заболевания? — я не сдержал усмешки. — То есть так можно определить — псих я или нет?

Я не подавал виду, но внутри что-то дрогнуло. Тест. Диагноз. Интересно, что бы он показал, если бы я ответил честно? Шизофрения? Паранойя? Или просто «устал, не высыпается, раздражителен»? Хотелось бы верить в последнее.

— Не знаю, — сказала она.

Если я ещё и тест пройду, он точно покажет, что совсем что-то не так со мной. Мне это и без теста понятно.

Она опустила свои красивые глазки вниз.

— Ок, давай, — сказал я.

Поддержу её. Она действительно милашка. Мне уже было всё равно о чём говорить, лишь бы забыть об этом звонке.

— А что делать надо?

— Дай мне свой номер, — она оживилась. — Я перешлю тебе ссылку.

Она уже перешла на «ты». Интересно. И это хороший повод взять номер.

А девочка знает, чего хочет.

— Диктую.

— Сейчас вышлю, — радостно сказала она.

— Так много вопросов, — пробормотал я, глядя на экран.

Я смотрел на экран телефона, где одно за другим появлялись сообщения с вопросами. Простые вроде бы: «Часто ли вы чувствуете тревогу?», «Бывает ли, что вы слышите голоса?», «Кажется ли вам, что за вами следят?».

Я усмехнулся. Если отвечать честно, моя карточка пациента заняла бы целую папку.

Телевизор над барной стойкой привлёк моё внимание. Местные новости.

Какое-то происшествие ночью. Полиция возле бара.

Что-то вчера случилось.

Точно.

Звуки полицейских сирен были слышны всю ночь. Да. Это мне не приснилось. Я даже слышал их сквозь сон.

Полиция толком ничего не говорит. То ли драка, кто-то пострадал. То ли ранен или погиб.

Есть жертвы. Ведётся поиск преступника или преступников.

Я же был в баре.

— А где этот бар? — спросил я. — Не сказали?

— Совсем рядом, — она махнула рукой. — Несколько кварталов от нас.

У меня пересохло во рту. Несколько кварталов. Тот самый бар? Я напряг память, пытаюсь вспомнить хоть что-то. Название. Вывеску. Людей. Но в голове была только мутная пелена и обрывки звуков. Музыка. Чей-то смех. А потом... потом темнота.

У меня грязная футболка. Бар.

Она положила в стирку мою футболку.

А если это я?

Я толком не помню, где этот бар.

Но всё сходится.

— Несколько кварталов в какую сторону? — спросил я.

— Вверх по улице.

Вверх по улице. Туда, где её квартира. Где я проснулся сегодня утром.

Где... и как я туда пришёл?
Я пытался вспомнить её лицо, когда она открыла дверь. Она была... напугана? Удивлена?
Или просто рада? Я не помнил. Я ничего не помнил.
Её квартира — в той же стороне.
Может, вернуться. Расспросить, что там произошло. Она что-то говорила про это.
Опять я ничего не помню.
Они что-то заставили меня сделать. Что-то, чего я не хотел.
Надо узнать. Надо...
Сердце начало стучать громче.
Обрывки в голове. Разные обрывки.
Крики были.
Крики... и какой-то бардак на улице возле бара.
— А кто преступник? — спросил я. — Известно?
— Нет, не было информации, — она покачала головой. — То ли один, то ли двое. Камеры на улице должны были что-то записать... — Она помолчала. — Хотя у нас тоже стоят камеры на входе. Но они не всегда работают. Как обычно.
— Случалось уже что-то здесь?
— Один раз машина сбила курьера, — сказала она тихо. — Доставщика пиццы. В кафе приходила полиция, смотрели записи. Ничего не нашли. Потом меня расспрашивали... — Она поёжилась. — Очень неприятная ситуация. Я ничего не видела. Только слышала звук удара.
— А что с курьером? — спросил я. — Погиб?
— Нет, — она мотнула головой. — Но сильно пострадал. Машина ударила его и быстро уехала. — Она сжала пальцы. — Я успела увидеть только велосипед и того парня. Он уже лежал на дороге.
— Ты расстроилась?
— Самый ужасный день на работе, — она выдохнула. — Из всех. Я ничего не могла делать. Руки опускались.
— Тебе это непросто, — сказал я. — Совсем молодая. Не часто такое видеть приходится.
— Не то чтобы я слишком ранимая, — она отвела взгляд в сторону. — Или росла, не видя жизни вокруг. Просто стало не по себе. — Она помедлила. — Это был мой первый день на этой работе. Я подумала — плохой знак. Такое происшествие в первый день.
— А полиция? — спросил я. — Что-то сделали?
— Да приходили. Расспрашивали. Но толку...
Я ждал. Она молчала, помешивая остывший кофе.
— А эти двое, — сказала она наконец. — Из полиции. Которые приходили после того случая с курьером.
Я поднял глаза.
— Заказали два кофе с собой, — продолжила она. — Два американо. Сидели ждали. Пока я отдавала заказ. Я сделала, упаковала, протягиваю. А они к двери идут сразу.
— Не заплатили? — я улыбнулся с удивлением.
— Я крикнула: «Мужчины, оплатите!» — она передразнила свой голос, сделав его выше.
— А один обернулся, даже не остановился, и говорит: «Оплатит департамент полиции из бюджета города. А нам работать надо». — Она сделала паузу. — И ушли.
Она печально посмотрела в окно.
— Я потом сама за них заплатила, — сказала она тихо. — Чтобы кассу не нарушать.
Я молчал. Потом сказал:
— Работать... Интересно, что они называют работой.
— Может, то же, что и все, — она пожала плечами. — Искать виноватых.
Я смотрел на неё долго. Задумчиво.

— Ты слишком хороша для этого места.

Она улыбнулась. Грустно.

— Может, поэтому я здесь.

— Давно работаешь?

— Не так уж... Несколько месяцев.

— И как тебе здесь?

— Ты имеешь в виду работу или место?

— Вообще, — я сделал паузу. — Интересно.

— Место спокойное, тихое, — она задумалась. — С одной стороны, это хорошо. С другой — меньше людей, меньше посетителей. И денег соответственно. — Она усмехнулась. — Если не думать, что надо работать, то всё хорошо. Мне здесь нравится.

Она замолчала, потом добавила:

— Я вспомнила... По телевизору уже были новости про нападения. То есть это не первый случай.

Я напрягся.

— После такого бывает страшно уходить одной. — Она поправила футболку. — И конечно, очень скучно одной здесь. Я прихожу рано, открываю кафе, подготавливаю кофемашину, разные мелочи. Большую часть времени сижу одна до самого вечера.

— Одиноко или скучно?

— Скорее оба варианта. — Она улыбнулась, и в улыбке было что-то детское, незащищённое. — Как кофе? Нравится?

— В нашей беседе я и забыл уже про вкус, — признался я. — Сделай ещё один — так я точно пойму, как ты мне приготовила. И оценю вкус конечно.

— Так же эспрессо?

— Какие ещё варианты предложишь? — я откинулся на стуле. — Что-нибудь изысканное есть? Чтобы не скучно было.

— Можно попробовать американо с чем-нибудь, или... — она задумалась, перебирая в памяти меню. — Или... да, есть. Колд брю тропик.

— А что такое колд брю тропик? — я поднял бровь. — Звучит очень интересно. Что туда входит?

— Состав... — она наморщила лоб. — Сейчас скажу. Так... Вообще это холодный кофе.

— А так можно было? — я усмехнулся. — Мне бы ещё охладиться и выпить кофе.

— Тогда это как раз для тебя, — она улыбнулась, открывая блокнот. — Читаю... «Колд брю тропик — скорее всего, название кофейного бленда или рецепта, сочетающего традиционный метод приготовления холодного кофе с тропическими нотами».

Я слушал её голос и чувствовал, как внутри понемногу отпускает. Этот разговор, это кафе, эта девочка с синими глазами — они действовали лучше любого лекарства.

Но в глубине сознания, где-то на самой границе слышимости, всё ещё шевелились они. Ждали. Слушали.

Я отогнал их. Пока.

— Колд брю это метод настаивания молотого кофе в холодной воде от двенадцати до двадцати четырёх часов, — прочитала она с телефона. — Это даёт мягкий, сладкий, концентрированный напиток с низким содержанием кислоты. «Тропик» указывает на фруктовый, тропический вкус, который достигается за счёт выбора кофейных зёрен с соответствующими нотами, например, африканских сортов.

Она подняла на меня глаза, которые уже сияли.

— Как тебе? Делаем?

— Уже в предвкушении, — я улыбнулся. — Тропического холодного кофе.

Я помолчал, потом добавил:

— Возьми и себе что-нибудь. Составишь мне компанию. Я не буду пить один.

— Ой, спасибо! — она обрадовалась. — Кстати, у меня тут скидка, как работнику.

— На всё?

— Да, на кухню, десерты и напитки.

— Ты не подумай, — я поднял руку. — Я не хочу скидку. Мне просто интересно, что тут самое вкусное из десертов.

— Я люблю вон тот шоколадный брауни, — она указала на витрину. — Там ещё вишня сверху.

— Тогда давай два брауни, — решил я. — Один раз за сутки, наверное, поел. Или около того.

— Сколько? — она удивилась. — А почему так?

— Как-то не до еды было, — я пожал плечами. — И не хотелось. Скажем так... не было аппетита.

— Не готовишь дома? Или как я? — она понимающе кивнула. — На доставках?

— Да.

— Я тоже мало ем, — призналась она. — В основном что-то здесь. Или домой закажу, если захочется.

— А пить что будешь?

— У меня чай есть, я здесь себе завариваю, кофе я уже пила.

— Тогда наливай свой чай, — сказал я. — А я жду свой холодный тропик.

Она уверенно двигается за барной стойкой, и в каждом её жесте чувствуется профессионализм, смешанный с природным кокетством.

Она тянется за высоким бокалом на верхнюю полку. Футболка послушно следует за её движениями, задираясь вверх, обнажая плоский живот с изящной линией пресса. Тонкая ткань натягивается на груди, а снизу, у самого края джинсов, становится видна аккуратная линия бедра, подчеркнутая тонкой ниточкой чёрного белья, которая дразняще выглядывает.

— Сейчас, сейчас... как раз делаю, — она засуетилась за стойкой. — Осталось долькой грейпфрута украсить. Тонкий ломтик — и всё. Ты его потом съешь, когда выпьешь. Так будет ещё вкуснее.

— Так и сделаю.

— Пожалуйста, — она поставила передо мной высокий стакан. — Готов. Приятного.

В тот момент, когда рука касается стола, её пальцы чуть задерживаются на моём плече. Совсем чуть-чуть. На долю секунды дольше, чем нужно.

Смотрю на её руку. Потом — в глаза.

— Ты всегда так подаёшь кофе?

— Только тем, кто мне нравится, — отвечает она. Без кокетства. Спокойно. Честно.

В тот момент я не знал, что сказать. Просто смотрел.

Она убирает руку. Но тепло от её пальцев остаётся.

Я отпил медленно.

— Вкусно.

— Я знаю, — отвечает она.

— За встречу тогда, — я поднял стакан.

— Небольшим глотком, — подсказала она. — Чтобы почувствовать вкус.

Я сделал второй глоток. Прислушался к ощущениям.

— Да... знаешь, очень вкусно, — сказал я удивлённо. — Такой холодок необычный, вкус кофе и потом аромат фрукта.

— Да, цитрусовый, — она кивнула. — Должен быть мягкий вкус, потому что зёрна не варятся, а настаиваются почти двенадцать часов.

— Мягкий, — согласился я. — Очень интересный напиток. Я буду теперь знать. Спасибо.

— Пожалуйста. — Она улыбнулась. — Его не все знают, да. Обычно берут латте или капучино.

— Там почти одно молоко и сахар, — поморщился я.

— И сироп, да, — подтвердила она, поставив передо мной тарелку.

— Так... два брауни. И моя любимая вишенка сверху.

— Любишь вишню?

— Очень — её глаза засияли — моя любимая ягода, и вообще я люблю вишню.

— Тогда... — Знаешь, что я сделаю? — спросил я.

— Нет, не знаю.

— Твоя любимая вишенка, — я взял её с десерта. — Я отдаю её тебе. С моего брауни.

Она замерла на секунду, глядя на меня с каким-то детским, почти наивным удивлением. Будто я не вишенку предложил, а подарил ей что-то большее. Что-то, чего она давно не получала.

— Как мило, — выдохнула она. — Я не могу так поступить, это самое вкусное.

Но её глаза уже смотрели на ту вишенку, как ребёнок на витрину с игрушками. Она хотела её. Очень.

— Вы же продаёте брауни, а не вишенки, — возразил я. — Я настаиваю. Ты же их любишь. — Я кивнул на пирожное. — Там есть начинка внутри?

— Да, это новый тренд, — объяснила она. — Сейчас делают слой внутри — солёная карамель или вишня. А классический брауни без добавок, без начинок.

— У меня будет вишня внутри, — успокоил я её. — Всё честно. Так что вот, бери.

— Возьму, — сдалась она с восхищением. — Уговорил. Я бы всё равно не отказалась. Мне было неудобно сразу согласиться.

Она взяла вишенку с такой осторожностью, будто это была не ягода, а что-то хрупкое. Отправила в рот и зажмурилась на мгновение, смакуя.

Я поймал себя на том, что смотрю на неё и улыбаюсь. Как дурак. Как человек, который давно не видел ничего по-настоящему живого.

— По тебе было видно, как ты на неё смотришь, — сказал я. — Я знал, что ты не откажешься.

Сделал ещё глоток.

— Очень освежает. Сегодня это то что надо, брю со льдом... — я отставил стакан. — Вишенку ты забрала, я допиваю и давай есть торт.

— Брауни, — поправила она. — А не торт.

— Да, брауни.

Я откусил кусочек и на секунду забыл обо всём. О голосах в голове. О той ночи. О крови, которая, возможно, ещё не отстиралась с моей футболки. Остался только шоколад. Только этот момент. Только она напротив.

— Мягкий какой, — сказал я. — Тёмный шоколад, очень насыщенный вкус. И вишня как раз в тему. То, что надо.

Я прожевал, облизнул губы.

— Ещё запить бы... Есть кола?

— Должна быть, — она задумалась. — Хотя её часто не спрашивают.

— Это же кофейня — я поддержал.

— Кофейня, да, — согласилась она. — Все кофе заказывают. Но кола была, секунду... Так, есть обычная и черри.

— Конечно черри, — радостно ответил я. — Сегодня день черри у нас.

И снова эта улыбка появилась у неё, как солнце из-за туч. Она вся светила. Иногда было видно, как на скулах появлялся лёгкий румянец. Глаза так и горели.

Интересно, это оттого, что она не осталась одна в кафе? Или она просто флиртует? В любом случае, мне это нравится.

Её губы, конечно, придают её юной внешности откровенный, взрослый и сексуальный оттенок. А улыбка у неё идёт от глаз. Вернее, от разреза глаз. Это делает её очень очаровательной.

Но мысли снова начали ускользать в темноту. Эти нападения... Она сказала, что они уже случались раньше. Не только вчера. Может, они связаны между собой. Полиция — она сказала, с ней разговаривала полиция. И ей страшно идти домой одной. А почему её никто не встречает?

— Твоя кола черри, — она поставила передо мной бутылку. — Налить в стакан? Со льдом?

— Она из холодильника?

— Да, холодная.

— Тогда лёд не надо, и стакан тоже нет, — отказался я. — Я люблю колу из бутылки. Главное — чтобы не тёплая была.

— Я открою тогда — она потянулась за бутылкой.

— Я сам могу... а, ладно... спасибо.

Она уже взяла колу, и я заметил, как её пальцы на мгновение задержались на крышке. А её глаза смотрели на меня. Будто она хотела сделать этот маленький жест личным. Интимным.

— Ты так ухаживаешь за мной, — сказал я. — Очень приятно. Или со всеми посетителями такая заботливая?

— Нет, конечно, — она смутилась. — Не прям чтобы заботливая... Мне показалось, ты чем-то расстроен был, когда зашёл. И я подумала...

Она запнулась, отвела взгляд. И этот жест снова резанул по сердцу своей искренностью.

— Что подумала?

— Ничего особенного. — Она пожала плечами. — Так, мысли вслух.

— Говори мне без стеснения.

— Нечего говорить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.